

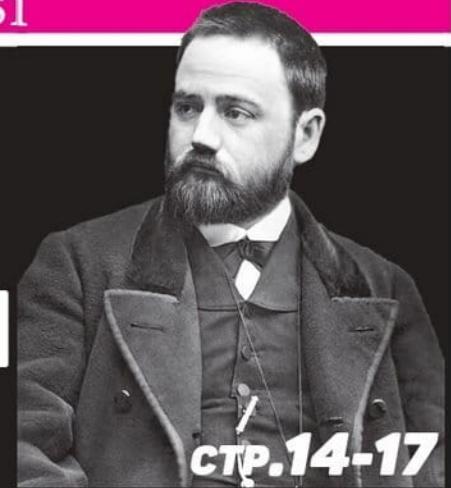
Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр.10-11

**ПО СТАРОМУ
«НОВОМУ
СТИЛЮ»**

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ – ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

стр.14-17

**РОМАНЫ
БЕЗ КИНОВЕРСИЙ**

стр.12-13

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№13 (94)
МАРТ 2022

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ – ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

Геннадий Норд

Анатоль Франс однажды сказал: «Он был человеческой совестью». Сегодня Франция перечитывает Золя. Старые трактовки, кажется, больше не актуальны. Яшки, в которые поколения литераторов аккуратно складывали творчество писателя, похоже, рассыпались окончательно, а таблицы «натурализм», «экспериментальный роман», «научный подход к людям и предметам» желтели и представляют сегодня разве что исторический интерес.

Золя – приверженец натурализма?

«Ничего подобного», – утверждает Ари Миттеран, основатель современного «золяведения», преподаватель Сорбонны и автор биографии писателя в трех томах. – Пора покончить со школьными интерпретациями. Золя действительно провозгласил себя основателем натурализма, но его творчество выходит далеко за рамки придуманной им теории».

Прямо сейчас на французском языке пишутся десятки книг о том, ком Золя не является. Нет, он не посредственный автор, обличающий пороки народной жизни, чтобы впечатлить сытого буржуза и заработать побольше денег.

«Золя, как Толкин, создает собственную вселенную», – уверяет Эмили Питон-Фуко, доктор филологии.

«Золя наследует греческой трагедии, его герои – наследники богов безумия, продолжатели дионисийской традиции», – добавляет Ари Миттеран.

«Для меня в романах Золя главное не сюжет, а красота и сила вымысла. Когда я его читало, словно слушаю оперу», – отмечает режиссер Каролина Леб.

«Неважный» писатель-социолог Фредерика Жиро признается, что стала изучать творчество Золя после того, как ее учитель литературы в престижном парижском лицее заявил, что автор истории Рутон-Макаров – «неважный» писатель. «Мне захотелось доказать, что это не так», – отмечает исследовательница.

Современники часто упрекали Золя в том, что он слишком рационально подходил к творческому процессу, упорно работал каждый день, не дожидалась вдохновения, непривычно много интересовался гонорарами, защищая права писателей на авторские отчисления.

Братья Гоноре пеняли Золя, что он не стремится достичь до совершенства каждое предложение. То ли дело Флобер! Но у Золя – в отличие от Флобера – нет наследства. И времена на стилистические игры у него тоже не было. Литература для него не только способ самовыражения, но и ремесло, которое помогало зарабатывать на жизнь.

«Для Золя литература – это проект. Он придумывает образ писателя и решает

Эмиль Золя

ему соответствовать. Это его жизненный выбор», – объясняет социолог Фредерика Жиро. Для Золя писательство не блажь и не придуха. Это труд, к которому надо относиться с большим уважением и отдаваться с абсолютным самозабвением.

«Работа заняла все мое существование. Постепенно она похитила мою мать, жену, все, что мне дорого. Стоит мне выпрыгнуть из кровати утром, как работа хватает меня и приковывает к столу, не позволяя перевести дух, преследует меня за обедом, и, жуя хлеб, я невольно думаю о том, что еще предстоит написать», – восклицает герой Золя в романе «Творчество».

По мнению исследователей, эти слова писатель вполне мог бы отнести и к самому себе.

А ведь сложилась жизнь по-другому. Золя мог бы ни в чем не нуждаться.

Эмиль Золя родился 2 апреля 1840 года в Париже в семье инженера итальянского происхождения Франсуа Золя, принявшего французское гражданство, и матери-француженки.

В 1843 году отец Эмиля получил контракт на строительство канала в Экс-ан-Прованс и перевёз туда свою семью. Вместе с финансовыми партнёрами он создаёт компанию для проведения в жизнь задуманных проектов в Прованс. Работы по сооружению канала и плотин для снабжения города водой начались в 1847 году, но в том же году Франсуа Золя умирает от воспаления лёгких.

После смерти мужа мать Эмиля находится в большой нужде, живя на скучную

пенсию. В 1851 году она возвращается с сыном в Париж, чтобы следить за судебным процессом, начатым кредиторами против компании покойного Франсуа. В 1852 году компанию объявили банкротом, а в следующем году канал меняет владельцев.

Образование Эмиля начинает получать относительно поздно для того времени – в семь лет. Мать помещает его в пансион при колледже Бурбон в Экс-ан-Прованс, где тот учится в течение пяти лет. В Прованс же Золя получает и религиозное образование – первое причастие он проходит в 1852-м.

В Экс-ан-Прованс одним из ближайших друзей Эмиля Золя становится художник Пол Сезанн, с которым он будет поддерживать дружбу вплоть до середины 1880-х годов.

Вырваться из прозябания, сделать карьеру – Золя с юных лет был убежден, что достичь этой цели он сможет только упорным трудом. И в этом выборе для него – повод для гордости.

Золя с детства увлекается литературой. Вместе со своим школьным другом Полем Сезанном он сбегает с уроков, и спрятавшись среди пейзажей, которые позднее напишет художник-импрессионист, мальчики в запой читают стихи Гюго, Мюссе, Ламартине, де Винни. Он сам пробует писать стихи, но они в настоящее время утрачены. Город Экс-ан-Прованс и весь регион станут источниками для многих сцен и сюжетов в его будущих романах из цикла «Рутон-Макары». Сам образ города выведен в книгах под вымышленным названием Плассан.

К сожалению, для себя, в 1858 году Эмиль переезжает к матери в Париж. Живут они в достаточно скромных условиях. Мать Золя планировала для сына карьеру юриста, но тот дважды провалил свой экзамен на бал-калавра.

В Париже Золя поселяется в мансарде в Латинском квартале, устроится простым служащим в существующее и поныне издательство «Hachette» и будет планомерно идти к мечте – стать профессиональным писателем.

Вначале ему придется заворачивать книги в вощенную бумагу, затем составлять короткие рекламные тексты для каталога. Позднее ему доверят писать пресс-релизы, и они будут так хороши, что часто редакторы газет станут публиковать их практически без изменений – мечта любого пресс-секретаря!

В то время ремесло журналиста могло приносить больший доход, чем работа специалиста по связям с общественностью, и Золя, который не оставляет надежду преуспеть, покидает «Hachette» и пускается во фриланс.

«Я молод и, не буду скрывать, верю в себя. Мне известно, что вы любите пробовать новых людей. Испробуйте же меня, изобретите меня! Уверяю, вы не пожалеете», – такие письма Золя рассыпает в разные издания.

Его стратегия оказывается верной. Молодой журналист становится литературным и художественным критиком.

В течение зимы 1860–1861 годов Эмиль заводит любовную связь с девушкой по имени Берта, которую он сам называл «девушкой с вечеринками», то есть простижкой. Он вынашивает идею «вытащить её из потока», приобщить к приличному роду занятий, но этот идеализм не смог противостоять реалиям жизни в Париже. Эта не-

Дом писателя в Медане, юго-западном пригороде Парижа

Эмиль Золя

удача послужит основой его первого романа «Исповедь Клода» (1865). Позже сюжет частично будет пересказан Эмилем в его цикле «Ругон-Макары». Среди действующих лиц его произведений возникнет похожий сторонний религиозного воспитания и аналогичное стремление к жизни без обязательств.

Золя продолжает писать статьи. В них он обзывают писателя и автора модных журналов Барбе д'Оревильи «истеричным католиком», зато энергично защищает Эдуарда Мане, картины которого не желают видеть на Парижском салоне. «Если бы у меня были средства, я бы немедленно скупил все работы Мане. Через пятьдесят лет они будут стоить вдвадцать раз дороже», — пишет Золя в 1866 году. Писателя восхищается художником, который вместо пошлых красавиц, «сахарных деревьев, прянничных человечков и ванильных барышень», изображает людей, «вновьтых лишь в том, что у них есть кости и мускулы».

«Чем же вам не нравится Олимпия? — спрашивает писатель критиков Мане. — Тем, что она похожа на знакомых вам девушек? И что Мане ее не приподнял и не подумал?»

В благодарность Мане напишет знаменитый портрет Золя, где в углке будет изображена репродукция Олимпии. Только в отличие от оригинала здесь обнаженная женщина в компании кота будет не

Эмиль Золя и Александрина Меле-Золя

смотреть в пустоту, а улыбаться писателю, сидящему за письменным столом. Как отмечают историки искусства, Маноль Шарпи и Робер Копп, Мане написал Золя в типичной обстановке того времени. В основном жилые помещения образован-

ных парижан в 1868-м были обставлены в таком стиле: мебель, стилизованная под старину, множество китайских безделушек, японские гравюры. Избыточность, вычурность, искусственная состаренность были в то время таким же общим

Эмиль Золя с Жанной и детьми

Эмиль Золя с Жанной и детьми

местом, как сегодня белые стены и мебель из «ИКЕА».

Золя на портрете в свои 28 лет выглядит не романтическим героем — как может показаться сегодня, — а тем, кем он и был на самом деле: молодым парижанином, который еще не преуспел в жизни, но твердо намерен это сделать.

До первого большого успеха — романа «Западня» — осталось еще 10 лет.

Когда ему исполнится 38, Золя сможет на полученные гонорары купить виллу недалеко от Парижа, в городке Медан на берегу Сены, обустроить там огромный кабинет с камином и написать прямо над ним «Nulla dies sine linea — Ни дня без строчки».

А пока надо было зарабатывать на жизнь репортажами с заседаний парламента и первыми литературными опытами, которые можно было публиковать в виде фельетонов в тех же газетах. Достаточно лишь подписать другим именем. В те времена пресса и литература еще не разошлись окончательно, журналистике факта только зарождалась, и редактор вполне мог пожертвовать парой дешев ради продолжения популярного романа. Золя, как и все журналисты, учился писать быстро, изъясняться ясно, в первых строках выражая основную мысль, вычеркивать прилагательные, предпочитать глаголы.

Окончание на с. 16

Окончание. Начало на с. 15

Недоброжелатели будут называть Золя пропагандистом, репортером, а не писателем. Он же сам будет уверен, что автору только на пользу «ковать стиль на никогда не оставляющей наковальне журналистики».

«Говорят, что статьи, написанные наскоро на углу стола, могут испортить руку. Я же убежден в обратном, ничто не принесет ей большую пользу», — заявляет однажды Золя. В постоянных упражнениях проходит страх перед словом, язык становится послушным. «В мире достаточно текстов, над которыми автор трудился в поте лица. Есть ли в них еще необходимость? Простой, ясный и мощный стиль — вот инструмент правды завтрашнего дня», — добавляет писатель.

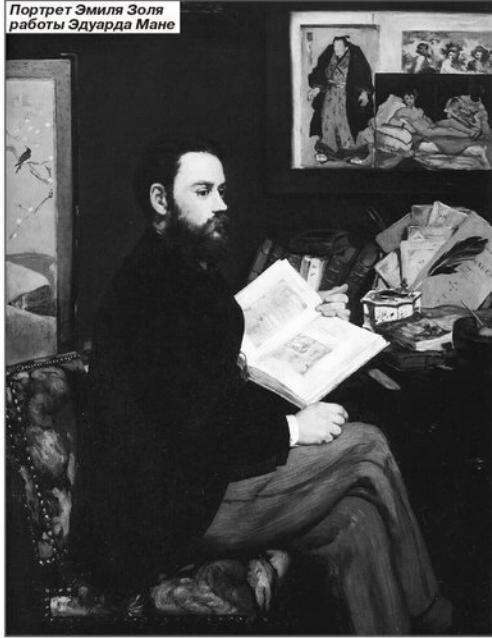
Золя стремится раскодировать текст, положить его под микроскоп и детально разобрать внутреннее устройство. «Как это сделано?» — вопрос, которым во второй половине XIX века задавалось все образованное общество. Люди хотели точно знать, как устроен человек, что в его поведении обясняется наследственностью, а что влиянием среды. Возникает потребность уложить извивающийся мир на поднос и препарировать как лягушку. Жюль Верн в своих романах изобретает подводную лодку, в Лондоне пускают первую линию метрополитена, Золя читает медицинские трактаты по физиологии и решает превратить роман в научную лабораторию.

Веку науки нужны новая литература. Больше нет необходимости предаваться романтическим химерам. Надо брать человека, который есть, спрашивать нужду, сплить, заниматься сексом, помечтать его в различные обстоятельства и смотреть, как он будет себя вести. Сможет ли сынологичики избавиться от унаследованного порока? Сумеет ли бедная провинциалка преуспеть в Париже?

Золя хочет поставить как можно больше экспериментов и опишать их как можно тщательней. Так у него рождается грандиозный план: взять в качестве объекта анализа одну семью и проследить за ней на протяжении нескольких поколений. Золя нарисовал генеалогическое дерево и набросал план. 20 романов. Он будет обеспечечен работой на следующие двадцать с лишним лет. Золя строит свою сагу, как замок, основательно и неотъемлемо, планомерно возводя этаж за этажом, постоянно сверяясь с чертежами.

Писатель вообще любил строительство: позднее он с таким же рвением будет обустраивать свою виллу в Медане. К стаиному особняку, по золе, примкнут две башни — Нана и Жерминаль, по названию написанных им романов. Прежде чем приступить к работе над книгой, он собирает статьи, пишет подробные планы, проводит настоящие полевые исследования.

Перед тем как взяться за роман о шахтёрах, Золя отправляется в поселок Анзен на севере Франции: там как раз 11 000 углеродоплавильных, бесчеловечными условиями труда, обивали забастовку. Золя снимает сюртук, облачивается в рабочую блузу, берет фонарь и спускается в шахту. Из его бесед с забастовщиками рождается замысел совсем другого произведения: изначально Золя хотел написать книгу о стачке, теперь же он решил работать над романом о надвигающейся революции. «Жерминаль» — от французского глагола germer — означает нечто зреющее, входящее в силу, готовящееся проснуться. Жерминаль — это еще и седьмой месяц в календаре, провозглашенном во Франции после Революции 1789 года. Период от 22 марта до 19 апреля — время, когда во влажной земле созревают новые семена.

Портрет Эмиля Золя работы Эдуарда Мане**Emile Zola****Nana - Roman**

По мнению многих исследователей, в своем романе Золя предвидел кровавые потрясения и зарождение нового общественного устройства. Арии Миттеран убежден: в «Жерминаль» Золя предсказал красную русскую революцию. Земля соется и раскроется, из ее лона выйдут новые люди.

Те же методы Золя использовал и в работе над другими романами. Прежде чем взяться за «Чрево Парижа» он проводит дни и ночи на рынке Ле-Аль. Друг писателя Поль Алексис вспоминает: «В 1872 году сколько раз Золя таскал меня в Ле-Аль! Он наведывался туда в любую погоду, будь то дождь, солнце, туман, снег, и в любое время суток, утром, днем и вечером, чтобы зафиксировать рынок во всех его проявлениях. Однажды он провел там целую ночь, чтобы присутствовать при приезде фермеров».

Для «Дамского счастья» Золя делает серию интервью с продавцами парижских универмагов, а для «Человека-Зверя» — романа о железнодорожниках — совершает путешествие в кабине машиниста. Книга в столетие спустя остается культовой среди французских «шемино». «Это лучшее, что было написано о нашей профессии», — так охарактеризовал «Человека-Зверя» машинист на парижском вокзале Сен-Лазар в интервью France Culture в 1999 году.

Золя пишет репортажи и делает интервью, чтобы верно описать среду, в которую он помещает своих персонажей. Эксперимент должен быть объективным. Роман достоверным. Собрав все необходимые сведения, писатель составляя карточку с описанием каждого героя. Все наброски сегодня хранятся в Национальной библиотеке Франции и доступны для изучения.

Но только ни критиковали Золя за такой — «школьный» — метод работы! Французские лицеисты и сегодня пишут карточки о героях литературных произведений — этот методический прием необычайно популярен, и дети обучаются такой практике с первого класса.

Но то ученики, а то великий писатель! Разве не должен он во всем следовать вдохновению? Золя доказал: можно исследовать реальность, работать, как современные драматурги из Театр.doc, в технике «вербатим», писать о проститутках (*«Нана»*), бомжах и алкоголиках (*«Западня»*), пролетариата и прекарията (*«Жерминаль»*), «Человек-Зверя» (*«Дамское счастье»*), обо всех невидимых и некрасивых, нежеланных и неинтересных, и при этом создавать вселенные, затягивающие читателя как кроличья нора из *«Алисы в Стране чудес»*.

Золя пишет так, что сырый немедленно отвлекается от биржевой хроники и отчета о последней выставке импрессионистов и с интересом читает, как голодный ученик шахтер харкает углем. Золя рассказывает о том, что никого не интересует, но делает это так мастерски, что парижанин, расположившийся на террасе с бокалом красного, неподножным для себя образом проникается сочувствием к неведомым ему углежекам, пьющим прачкам и продавщицам с вежливыми улыбками, работающим по 12 часов на ногах.

Золя — хоть и использует в работе журналистические методы — пишет не репортажи на 500 страниц и не политические памфлеты. Он придумывает миры, рассказывает истории и — как его друзья-импрессионисты — создает образы.

Чего стоит сцена пробуждения семьи шахтеров в «Жерминаль». Подъем в три часа ночи, нечаянное погружение в сон, пробуждение, усталость, наваливающаяся с такой силой, что даже плач младенца оставляет равнодушным, разведененный вчерашний кофе, хлеб, еда смазанный маслом, — все, что можно взять с собой на обед в шахту, — горячая бурда на завтрак в чисто прибранный, пропахший жареным луком комнате. Этот запах витает во всех аккуратных кирпичных домиках французских шахтеров, которым платят ровно столько, чтобы они не умерли с голода.

Золя пишет яркими мазками, на каждой странице — картина, героем которой либо окрадывает драму, либо переживает ее прямо сейчас. «У Золя нет ни одной сцены, где бы он не описывал, откуда падает свет», — объясняет Анка Мульштейн, автор исследования «Перо и Кисть» о влиянии живописи на литературу XIX века. Но Золя не только художник, он еще и поэт. «У писателя дар к музыке слова, он чувствует ее кожей», — уверяет Арии Миттеран.

Его романы не просто талантливые за-рисовки о жизни Франции периода второй Империи. История Ругон-Макаров — предлог для размышления над человеческой заброшенностью и несвободой. Дурная наследственность в романах Золя — новое имя христианского первородного греха и греческого фатума. Человеческая природа изначально искажена, а над ней довлеет беспощадный рок. Персонажи Золя, как герои древнегреческих трагедий и современные клиенты психоаналитиков, раздираемы противоречивыми силами: жаждой жизни и влечением к смерти; холодной матери и дедушки, имевшим склонность к насилию; желаниям поспирить с судьбой и искушением оставить как есть и просто ждать, когда все кончится.

Золя, сам перенесший судьбу, бедный провинциал, на сумевший сдать выпускные экзамены в школе, должен был до конца дней заворачивать книги в вощеную бумагу, но стал знаменитым писателем — позволяет нескольким персонажам заново бросить кости и получить иной расклад, чем предполагалась. Дениса из «Дамского счастья» не становится проституткой, а выходит замуж за владельца универмага. Этьену Лантье, главному герою «Жерминаль», удается обуздать тигу к алкоголю, превратить страсти к саморазрушению в борьбу за человеческое достоинство. Но сломленных, поверженных, не сумевших выбраться из заданных судьбой обстоятельств гораздо больше. Писать о них, по мнению Золя, значит уходить действовать в их пользу.

Где здесь натурализм? Современные исследователи убеждены: это не более чем еще одна захватывающая история, придуманная Золя для того, чтобы привлечь внимание читателя и донести до него главный смысл своих текстов: каким бы убедительным ни выглядел сценарий твоей жизни, его можно править и переписывать заново. История Ругон-Макаров — предлог для размышлений над человеческой заброшенностью и несвободой.

К 48 годам у него было все, о чем можно мечтать: уютный загородный дом в Медане, солидный счет в банке, роскошная парижская квартира на улице Булонь и любящая, преданная жене Александрина Габриэль. Время от времени у Эмиля Золя случались приступы черной тоски и почему-то все

«Олимпия». Эдуард Мане**Поль Алексис читает Эмилю Золя». Поль Сезанн**

каще он запирался в кабинете и страдал от беспричинного отчаяния.

На долгие годы Золя придумал себе распорядок дня: ранний подъем, прогулка, работа до обеда (ни дна без строчки), далее встречи с нужными людьми и работа в библиотеке. На протяжении десяти лет, пока писалась «сага о Ругон-Маккарах», Золя практически ни разу не отступил от заданного им самим распорядка. Постепенно он превратился в этакую «литературную машину», работающую без перебоев и срывов. И вот «машина» сломалась...

Тучный, одышливый, раздражительный, желчный, он ловил себя на мысли о том, что смотрит на жизнь с отвращением. Неизвестно, чем бы это все могло закончиться, если бы однажды 11 декабря 1888 года в своем доме в Медане не услыхал жизнерадостный девичий голос, который напевал веселую песенку. Нежный голосок раздавался из гладиолуса. Жена Александрина, помещенная на чистоте, недавно наняла прачку.

Эмиль спустился вниз, увидел молодую гладильщицу и тяжелый камень безнадежности скатился с его сердца. Через полгода после знакомства с Жанной Розо никто не узнавал в стройном помолодевшем господине мрачную грузину Золя.

Загорелый импозантный мужчина прогуливался по Елисейским полям с молодой цветущей женщины. Однажды утром их видели катающимися на велосипедах. Прием женщины осторожно ехала возле тротуара, а мужчина бесстрашно мчал по проезжей части, защищая даму от опасностей уличного движения. 21-летняя Жанна ворвалась в жизнь писателя подобно свежему ветру.

Вскоре было понятно, что «интрижа» знаменитого писателя гораздо серьезнее, чем могло показаться на первый взгляд.

Сначала супруга Александрины пытались бороться с новой любовью мужа. Александрина Меле — цветочницу с плодами Клиши, в свободное время подрабатывавшую натуралисткой. Золя встретил много лет назад.

Брюнетка произвела на Золя большое впечатление. Александрину нельзя было назвать красавицей, но она обладала статной фигурой, выразительными глазами, добрым мягким ульбкой, а главное — крепко стояла на ногах и отличалась здравомыслящими суждениями.

Они стали жить вместе, и никогда Эмиль не то спокойно и удобно. Александрина целиком взяла на себя быт, прекрасно готовила, не мешала работать. Мать Золя приняла Александрину настороженно. Ей хотелось, чтобы талантливый сын, будущая знаменитость, нашел себе женщину более утонченную, более аристократичную, более молодую (Александрина была на год старше Эмиля). Александрина мечтала о замужестве и Эмиль не стал возражать.

В 1870 году Эмиль и Александрина сыграли скромную свадьбу. Детей в браке не было. Золя много работал, и дела егошли в гору.

Добропорядочная Александрина была больше заботена о накоплением голландских скатертей, разведением фикусов и серебряных столовых приборов, чем душевными порывами и литературными успехами мужа.

Золя не раз признавался, что не умел выдумывать сюжеты для своих книг. Он искал их повсюду, где мог. Не пропускал мимо ушей ни одного рассказа друзей, по четвергам навещавшихся к нему Медан. Собирая материал для очередной книги, он колесил по деревням и провинциальным шахтерским поселкам.

Рабочие, начиная открытоенно веселились, глядя как тучный господин из Парижа, краяя влезает в одежду рудокопа. Управляющий шахтой даже просил не водить странного экскурсанта далеко от подъемника: все были уверены, что тот через несколько минут попросится обратно.

Но Золя, преодолевая страхи, отвращение к грязи и сырости, превозмогая природную боязнь замкнутых пространств, проводил под землей долгие часы, забираясь в самые опасные штолиши. Героев «Жерминиля» в лица которых въелась угольная пыль, с опухшими от сырости ногами, как я уже писал, Золя не выдумал — он их видел своими глазами.

Прежде чем взаться за «Чрево Парижа», он проводил дни и ночи на рынке Ле-Аль, упиваясь мрачным сладострастием зрелища: горы красного мяса, шевеление тусклого серебра в корзинах с рыбой, сочная зелень овощей. А в стороне, в куче отбросов, увидел нищих выискивавших в отбросах

нежные пармские фиалки, не успевшие завязть со вчерашнего вечера. Фиалки расщепляют по трубочкам, придают товарный вид и отправляют на бульвары. Там девушки их будут предлагать прохожим и отвечать на расспросы с томной ульбкой фальшивой невинности. Несколько лет спустя цветочниц в разных странах благодарили ей, будут называть однажды — Нана.

А прелестные куртизанки, о жизни которых Эмиль Золя, казалось, знал абсолютно все? Пряятель Золя и однокашник по пансиону художник Поле Сезанн однажды навестил друга в парижской квартире и с завистью предположил, что у того много в Париже соблазнительных знакомств, в то время как он скучает в провинции у мольберта. Золя спокойно заметил: «Если бы я навестил женщину лучше, чем моя жена, то рискнул бы потратить на нее время»...

Другой его приятель — писатель Анри Сеар отвел Золя в одно из «респектабельных» заведений с девушками. Одна из девиц, желая растормошить смущенного господина, заметила, что его лицо ей знакомо: «Вы же бывали у меня в гостях?»

Золя поспешно заверил даму, что она ошибается и галантно добавил: «Поверьте мадам, я очень сожалею об этом». Золя поднялся с ней в комнату и не выходил оттуда всю ночь. Наутро его приятель Сеар застал в номере такую картину: писатель с блокнотом у ног полусонной барышни, сидевшей в кресле, старательно записывал приемы нанесения румян и сезонные новинки парижского модного белья. Романы «Нана» и «Западня» принесли писателю огромную славу.

Писатель зажил на широкую ногу. Он с детским восторгом любовался икрой, семгой, омарами, рыбчиками и смаковал их с удовольствием человека, хорошо знающего, что такое настоящий голод. С супругой они закупали огромное количество еды и вина.

Он очень сильно растолстел, его шея не помещалась в воротник рубашки, живот выпирал. Золя, при небольшом росте, весил уже более ста килограммов, окружность его талии достигла ста четырнадцати сантиметров. В ноябре 1887 года в недавно созданном Свободном театре, вида, как Золя с трудом противостоял между рядами, художник Жан-Франсуа Раффаэли посоветовал ему, если он хочет походить, не пить во время еды.

Александрина с возрастом стала тоже тучной, еще более жесткой, непреклонной, властной, ограниченной и стремящейся к респектабельности. Жалость к ней какое-то время удерживала писателя рядом: все-таки они прожили почти двадцать лет вместе. Позже Эмиль скрывает от Александрины связь с Жанной. Утро идень он проводит с Александриной, а вечерами собирается к Жанне.

Но Александрина высматривает Жанну с Эмилем и устраивает безобразные сцены. Однажды она заявила на улицу Сен-Лазар, где он снимал квартиру для Жанны, и устроила настоящий разгром. Ее дом, ее семья рушатся. Что же делать? Развод? Но она любит своего Эмиля, а неминуемый скандал потрясет весь литературный мир.

Двадцатого сентября 1889 года Жанна родила Золя дочь Денизу, а через два

года — сына Жака-Эмиля. Золя абсолютно счастлив. Написав роман «Доктор Паскаль», Золя подарил экземпляр своей Жанне, которой к тому времени исполнилось, как и героине романа Клотильде, двадцать пять лет.

Эмиль написал на титульном листе посвящение: «Моей возлюбленной Жанне, моей Клотильде, которая подарила мне царское пришествие своей молодости и вернула мне мои тридцать лет, преподнеся в подарок мою Денизу и моего Жака, двух дорогих детей, для которых я писал эту книгу, чтобы они узнали, когда в один прекрасный день ее пронут, как я боялся или их мать и какой благоговейной нежностью они когда-нибудь должны будут воздать ей за счастье, которым она утешала меня в моих великих горячках».

Александрина убедилась, какие бы она претензии не чинила, муж продолжает видеться с Жанной и детьми.

Окончательно она сдалась только тогда, когда увидела мужа летом в Медане, стоявшего у окна в их доме с блокнотом в руках. Он с тоской смотрел, как на пляже играют его дети, которым он снял дом по соседству.

Бездельная Александрина поняла: ее партия проиграна окончательно.

Но, оказывается, спасительное — для каждого из троих — решение есть. И это очень трудное, непростое решение — возможно, единственно верное — принимает Александрина. Надо признать, что Золя вязко с женщинами, которых он любил: Александрина поступила великодушно, да и Жанна оказалась славной женщиной: никогда она не произнесла ни единого плохого слова в адрес своей проигравшей, но защищенной законом и общественным мнением соперницы.

Александрина положила руку на плечо Эмилю, стоящему с блокнотом, и тихо сказала: «Позови их в дом...»

С тех пор Александрина не препятствовала ежевечерним поездкам мужа на улицу Сен-Лазар и даже поближе гулять в его детям в Люксембургском саду. Она настолько привязалась к детям, что порой ей казалось, что будто это с Эмилем ребятишки.

В благодарность Эмиль нестал настаивать на разводе, зная, как Александрина дорожит статусом замужней дамы. Мадам Золя добилась, чтобы дети Эмиля носили фамилию Золя. Так они существовали долгие годы: Золя и его две любимые женщины. Мудрая и надежная Александрина и молодая, желанная Жанна.

Слово освобождает. Золя всегда это подозревал, а в 57 лет убедился окончательно. После некоторых колебаний — он прекрасно понимал, что рискует тюрьмой и потерей всего, что нажил, — последний великий писатель Франции (Люго к тому времени уже умер) решил высказаться в поддержку Альфреда Дрейфуса, французского офицера иудейского вероисповедания, обвиненного в шпионаже в пользу Германии. Доказательства виновности Дрейфуса не было, но армия упротворила, потрясая секретными документами, которые она якобы не вправе обнародовать. Позднее окажется, что никаких тайных доказательств не существует, а истинный виновный, майор Эстерхази, действительно

делившийся французскими военными планами с немецким посольством, по непонятным причинам был оправдан.

Дрейфус в антисемитской Франции конца XIX века — идеальный козел отпущения. В глазах множества французов офицер-еврей — предотвратил всех страхов и предрассудков. Ознакомившись с делом и убедившись в невиновности Дрейфуса, Золя пишет в 1898 году открытое письмо французскому президенту Феликсу Фору. Статья «Я обвиняю!» будет напечатана на главной странице газеты «L'Autographe» и станет, пожалуй, самым яростным и знаменитым текстом писателя.

Далее события развиваются стремительно: армейские генералы, уже отправившие Дрейфуса на вечную катаргу, обвиняют Золя в клевете. Его приговаривают к году тюремного штрафа. Писателю удается сбежать в Англию, а его мебель в вилле Медан продают с молотка. Французская пресса разворачивает яростную кампанию против Золя.

Он же убежден: «Однажды Франция поблагодарит меня за то, что я спас ее честь». Разумеется, он вновь будет прав. «Я обвиняю!» всколыхнуло всю страну. Под наимом общественного мнения Дрейфуса вернули с катоги, Золя смог возвратиться в Париж.

...Супруги Золя вернулись в воскресенье 28 сентября 1902 года из пригорода в свою городскую квартиру. Было сырь и холодно, и Золя приказал прислуге, как следует прополоскать в спальне.

Приятное тепло навевало дремоту, сущности уснули. Ночью Золя проснулся от дурноты: сильно болела голова. Жена предложила позвать слуг. Его последние слова, обращенные к жене, были: «Мне плохо, голова раскалывается. Помстите, и собака больная. Наверное, мы что-то съели. Ничего, все пройдет. Не надо никого тревожить...»

Он поднялся с кровати, сделал шаг к окну — видимо, хотел его открыть — и упал. Когда уронил воломали дверь, 62-летнего Золя нашли мертвым. Александрина была в тяжелом состоянии, но врачам удалось ее спасти.

Что же произошло? Были ли это несчастный случай? За несколько дней до произошедшего ремонтировали крышу дома, где жил Золя, и следствие обнаружило подозрительные следы, а потом ходили слухи, что дымоход, подкупленный кем-то трубо-честиком Анри Буронфесом, заблокировал. Но доказать следствие ничего не смогло, а может, и не стремилось.

Кто-то смерти писателя связал с «делом Дрейфуса». Врагов у Золя, добившегося текстом на шесте колонок освобождения злого врага правой Франции, было предостаточно.

Выжившая Александрина оставила себе только дом в Медане, который после своей смерти завещала детскому приюту. Она проследила, чтобы дети Золя получили свою долю наследства.

Смерть Золя примирила обеих женщин.

На похоронах писателя, наконец, было сказано, ком он был на самом деле. Не националистом, моралистом или карьеристом. А как сказал Анатолий Франс, «человеческой совестью».

